

Воробьева Мария Владимировна,
Институт философии и права УрО РАН /
Технический университет УГМК,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: vorobyova-mariya@yandex.ru.

Рабинович Евгений Ильич,
Уральский федеральный университет,
Россия, г. Екатеринбург.
E-mail: svet-evg@mail.ru

«КРАСНОЕ» И «ЗЕЛЁНОЕ»: ИДЕОЛОГИЯ И РЕКРЕАЦИЯ В ГОРОДСКИХ САДАХ СРЕДНЕГО УРАЛА 1920-Х ГОДОВ

Mariya Vorobyova
*Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
UMMC Technical University,
Russian Federation, Yekaterinburg.*

Evgeniy Rabinovich,
*Ural Federal University,
Russian Federation, Yekaterinburg.*

«RED» AND «GREEN»: IDEOLOGY AND RECREATION IN URBAN GARDENS OF THE MIDDLE URALS OF THE 1920S

Аннотация. В статье анализируется советская парковая культура 1920-х гг. на материале уральских городов. Показывается несоответствие идеологических установок и реальных практик работы с посетителями.

Ключевые слова: парки и скверы, парковая культура, сады 1920-х гг., Екатеринбург.

Abstract. The article analyzes the Soviet park culture of the 1920s based on the material of the Ural cities. The discrepancy between ideological attitudes and real practices of working with visitors is shown.

Keywords: parks and squares, park culture, public gardens of the 1920s, Ekaterinburg.

Через введение цветowych метафор мы хотим приблизиться к пониманию досуга советских граждан 1920-х гг. Причина – общая настроенность мышления людей того времени на описание реальности как оппозиции цветов, главной из которых станет оппозиция «красное/белое» (пришедшая на смену христианскому «свет/тьма» = «белое/чёрное»). Цветовая метафора гражданской войны настолько плотно осеменила отечественную цветовую культуру, что актуальна и до сих пор. Мы позволили себе развить эту цветовую метафору – в первое десятилетие после гражданской войны, с наступлением мирного времени для описания культуры нам представляется более корректным оппозиция «красное/зелёное».

Советским садам и паркам в 1920-е гг. придавалось достаточно большое значение. Фактически, парки в официальном, партийно-бюрократическом дискурсе воспринимаются как пространственное продолжение главных ретрансляторов новой культуры – рабочих клубов. Рабочий клуб считался местом приобщения к социалистической культуре, где посредством политпросвещения и вовлечения посетителей в преобразующие тело и дух практики (театральные постановки, изостудии, музыкальные и физкультурные кружки и т. п.) создаётся новый человек. Парковое пространство могло восприниматься и как высшее воплощение концепции клуба в смысле рационально организованного и тщательно выверенного пространства, где над задачей производства нового человека скоординировано работает не просто несколько «станков», а уже сумма «цехов». Неслучайно парки называли «крупными комбинатами оздоровительной работы, развлечений и политико-просветительной деятельности» [5, с. 20]. Сравнительная обширность садово-паркового пространства позволяла использовать комплекс методов и подходов для трансформации старого, расщеплённого человеческого тела и духа в новое, невиданное ранее идеальное психофизиологическое единство.

Представленное в официальных текстах 1920 – 1930-х гг., такое понимание предназначения раннесоветских садов и парков отражает две функции: пропагандистскую и отчётно-бюрократическую, крайне слабо коррелируя, при этом, с парковыми реалиями. Вместе с тем, подобные репрезентации парков зачастую некритично воспринимаются современными исследователями и транслируются ими в академических текстах. К примеру: «парк культуры и отдыха... как реализация советского идеологического проекта» или «в сталинский период парк предстаёт как образ коммунизма и одновременно как путь к нему через формирование нового коллективистского человека труда, направляемого партией под руководством вождя» [7, с. 6, 7].

Работа с различными группами источников о парковой жизни эпохи показывает совершенно другую картину, продемонстрировать которую нам помогут материалы региональной прессы Свердловска 1920-х гг., относительно демократичной по сравнению с последующими десятилетиями.

Сады и парки Екатеринбурга/Свердловска начала 1920-х гг. показывают доминирование досуговых практик, восходящих к дореволюционным традициям: играют симфонические оркестры, работают рестораны, публика прогуливается среди аллей, смотрит по вечерам театральные представления. Столь откровенно аполитичные и противоречащие идеологическим установкам формы досуга разбавляются единичными массовыми акциями, приуроченными к новым праздничным датам. В главном городском саду (бывшем Харитоновском) в 1923 г. на массовом мероприятии в рамках Международного юношеского дня «на одной эстраде идёт

революционная инсценировка: «На баррикадах», на другой группа спортсменов-комсомольцев демонстрирует свои достижения. Составляется пирамида. Наверху один из спортсменов поднимает плакат «Эти сильные руки и мускулатура – залог победы над буржуазией». Марш поднимает настроение, электризирует публику» [3, с. 3].

Впрочем, редкие идеологические мероприятия не определяют лицо сада, но, скорее, изредка разрывают ткань стандартной досуговой нормы, ориентированной на потребности публики, т. е. на развлечения и рекреацию. В 1925 г. там же, в главном городском саду «с эстрады сплошь и рядом раздаются сентиментальные русские и цыганские романсы вроде «Люблю тебя» с кувырканиями клоуна. Обиднее всего, что тут же... исполняется зачастую и траурный марш «Памяти Ильича» [6, с. 4].

В последующие годы свердловские парки продолжают существовать в подобной логике, с увеличением не идеологических, а развлекательных мероприятий. Программа достаточно типичного паркового мероприятия в Свердловске второй половины 1920-х гг. выглядит примерно так. «В программе вечера: футбольное состязание, соревнования по городкам, крокету, баскетболу и волейболу. В тире – соревнование по стрельбе, в читальне – политлотерея, шахматные сеансы. На эстраде: выступление «живой газеты», струнный оркестр, сольные номера, физкультурные выступления, гармонисты, танцы на танцевальной площадке, радио-передача, массовые игры и песни. Работает павильон санитарно-гигиенической выставки» [1, с. 4]. Мы видим, что развлекательные спортивные мероприятия, действительно привлекающие посетителей (футбол, крокет, волейбол) разбавляются «политлотереей». Популярные у посетителей танцы и концерты (позволяющие парку заработать) сопровождаются агитационными выступлениями «живой газеты» и работой «санитарно-гигиенической выставки». Подобный подход позволял работникам парка удовлетворить как партийное руководство, так и публику: формально отчитаться о проведении идеологических мероприятий и при этом соответствовать потребностям отдыхающих. Отметим, что даже неприкрыто пропагандистские мероприятия могли проводиться формально. Репортёр газеты «На смену!» укоряет организаторов за плохую организацию вечера социалистического соревнования, проведённого в саду совторгслужащих: «Сотня слушателей грустно смотрела на докладчика, произносившего сухие, общие фразы. Остальные бродили по аллеям. В саду ничто не напоминало о соревновании, если не считать нескольких лозунгов, из которых добрая половина говорила почему-то о неграмотности и кооперации...» [2, с. 4].

Схожая ситуация сложилась и в других городах Урала. Например, в 1928 г. в курганском железнодорожном саду им. А. Г. Осокина вместо реализации методик, работающих на проект по трансформации старого обывателя в нового советского человека, играет музыка и демонстрируются кинофильмы [4, с. 177]. Финал опыта десятилетней работы городских са-

дов и парков, по сообщению газеты «Красный Курган» за 1932 г. выглядит похоже: в мероприятиях городского сада по улице Советской фиксируется явный акцент на развлечение публики, причём в коммерческом ключе. «В саду... весь сезон не работала читальня, не были организованы кружки самодеятельности... [Сад] обслуживает обывателя повседневными танцульками и ненужными гастролями циркачей...» [4, с. 177].

Со всей очевидностью, советские сады и парки 1920-х не соответствовали теориям, согласно которым они должны были являться пространством идеологического воспитания, трансформации социального и физического тел граждан посредством искусства и спорта. Проект по превращению советских парков в высоко политизированное пространство по созданию человека нового типа существовал преимущественно в форме лозунгов и листов отчётов. Посетители садов не желали, чтобы «оболочка их быта» лопалась «под напором био-психических достижений», а руководство парков, при попустительстве партийных органов, бездействовало, не зная, как воплотить в жизнь абстрактные теории создания «культурно-политических комбинатов под открытым небом». «Зелёное» со всей очевидностью победило «красное». Вместо идеологии в парках шумит листва, пахнут цветы, реками льётся алкоголь и вся атмосфера наэлектризована сексуальным желанием, флюиды которого источают тела отдыхающих уральцев.

Исследование выполнено за счет средств гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-411-660005 «Специфика конструирования гражданственности в 1920-2010-х гг. на материале публичных парковых пространств г. Свердловска/Екатеринбурга».

Литература

1. 26 июня в саду Уралпрофсовета – вечер молодёжи // На смену! – 20.06.1928. – С. 4.
2. Вместо соревнования – вечер «вообще» // На смену! – 02.06.1929. – С. 4.
3. Гулянье молодёжи // На смену! – 10.09.1923. – С. 3.
4. Кладова К. Ю. «Для чего существует городской сад»: советский идеологический проект и региональная практика (на примере г. Кургана 1920–1930-х гг.) // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность: мат-лы междунар. научн. конф. – СПб., 2020. – С. 174–179.
5. Лунц Л. Парки культуры и отдыха городов-новостроек // Архитектура СССР. – 1934. – № 5. – С. 20–29.
6. Процветает цыганщина // Уральский рабочий. – 23. 08. 1925. – С. 4.
7. Шайгарданова Н. Л. Парк культуры и отдыха как явление культуры и воплощение советского идеологического проекта. – Автореф. дисс. канд. культ. – Екатеринбург, 2014. – 23 с.